

ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ РОЗОВ

аспирант кафедры арабской филологии Восточного факультета, лаборант-исследователь Научной лаборатории по анализу и моделированию социальных процессов Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
vladirozov@yandex.ru

ТРАДИЦИОННЫЙ И МОРФОЛОГИЧЕСКИ ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ РИФМЫ КОРАНА*

Описываются и сравниваются два подхода к изучению рифмы Корана. Во-первых, это широко распространенный в арабистике подход, многое заимствовавший из традиционной арабской филологии. В рамках этого подхода рифма Корана рассматривается как повторение конечных согласных фонем в финальных словах аятов. Второй подход предполагает учет особенностей морфологии арабского языка, в частности и применение современных литературоведческих и лингвистических понятий к исследованию рифмы Корана. В этом случае основным компонентом коранической рифмы становится ассонанс, вызванный единством морфологических словообразовательных и словоизменительных моделей рифмующихся слов. Автором приводятся примеры, указывающие на лучшую способность второго подхода объяснить рифму аятов Корана, в том числе в случаях, при которых традиционный подход оказывается малоэффективен, при этом в качестве материала для сравнения привлекаются суры раннего мекканского периода. Сравнение двух этих подходов указывает на важность учета особенностей морфологии арабского языка при изучении художественного стиля Корана и других памятников арабской словесности, содержащих рифмованную прозу (садж).

Ключевые слова: Коран, рифма, ассонанс, морфология, арабский язык

Для цитирования: Розов В. А. Традиционный и морфологически ориентированный подходы к изучению рифмы Корана // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 5 (182). С. 94–100. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.358

ВВЕДЕНИЕ

Вопросы стилистики и особенностей языка Корана неоднократно становились объектом пристального внимания со стороны как средневековых арабских ученых, так и современных западных востоковедов. Литература, посвященная тем или иным особенностям языка Корана, его композиции, риторическим фигурам и приемам, крайне обширна. При этом исследования Корана именно в качестве литературного памятника проводятся пока в недостаточном объеме [13: 221]. Это в полной мере касается изучения рифмы и ритмической структуры коранического текста. В литературе, имеющейся в распоряжении исследователя в настоящий момент, наиболее полно вопросы рифмы и ритма в Коране исследованы в труде Д. Дж. Стюарта «Садж в Коране: просодия и структура» [10]. В этой значительной по объему статье затрагиваются самые разнообразные аспекты, а в приложении к ней приводятся результаты подсчета доли рифмующихся аятов по сурам и список самых часто встречающихся рифм. Отличительной чертой статьи является постоянное обращение к средневековой арабско-мусульманской филологической традиции.

Этот вышедший без малого тридцать лет назад труд, однако, не лишен некоторых спорных моментов, которые, впрочем, являются продолжением достоинств избранного автором подхода,

то есть опоры на традиционную арабскую филологическую традицию. В первую очередь речь идет об определении понятия «рифма» применительно к арабскому языку Корана. Д. Дж. Стюарт, вслед за арабскими теоретиками стихосложения, рассматривает в качестве основы рифмы согласную фонему (*ḥarf* мн. *ḥurūf* в терминах арабской лингвистической традиции), на которую заканчивается слово, а также предшествующий ей гласный (как долгий, так и краткий). Тем не менее он специально оговаривает то, что в рамках европейской поэтики рифма Корана осмыслялась бы скорее в терминах слога, а не звука / буквы (*ḥarf*) [10: 109–111]. (Арабская лингвистическая традиция смешивает произношение и написание; в силу этого термин *ḥarf* может означать как звук, так и букву, а также имеет еще ряд значений.) При таком взгляде на рифму, согласно подсчетам Д. Дж. Стюарта, в Коране рифмуется 89,5 % аятов, при этом 33 суры рифмуются полностью, а 2 суры (106 «Курайш» и 111 «Пальмовые волокна») вообще лишены рифмы [10: 108].

Разумеется, при исследовании такого памятника арабской словесности, как Коран, неизбежно обращение к арабской филологической традиции, а также взгляд на особенности рифмы Корана через призму более знакомых западному исследователю традиций. Однако постоянное обращение к ставшим классическими интерпретациям

в рамках упомянутых выше традиций может вывести из поля зрения исследователя значимые факты, находящиеся как бы в тени привычных описаний. Это тем более справедливо в силу того, что

«рифма – явление историческое, изменчивое, поэтому в разные времена содержание этого понятия в известных пределах менялось» [5: 86],

что не могло не сказаться и на используемых для ее описания инструментах. В силу этого представляется оправданным поиск иного подхода к изучению особенностей поэтики Корана, причем наиболее адекватным был бы такой, в рамках которого рифма и ритм Корана были бы описаны в универсальных литературоведческих и лингвистических терминах. Привлечение лингвистических данных в подобном исследовании неизбежно, поскольку

«существо поэтической техники состоит в периодических возвратах, и это проявляется на каждом уровне языка. Фонемы и последовательности фонем, морфологические, лексические, синтаксические и фразеологические единицы, оказываясь в метрически или строфически аналогичных позициях, неизбежно ставят в нашем сознании или подсознании вопросы, а именно: являются ли взаимоподобными, в каких отношениях и в какой степени, эти сущности, находящиеся в аналогичных позициях» [5: 99].

СУЩЕСТВУЮЩИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ РИФМЫ КОРАНА

Подход к изучению рифмы Корана должен учитывать своеобразие морфологической системы арабского языка, отличительной особенностью которого является «разрывное» строение консонантного корня. Аффиксы, как словообразовательные, так и словоизменительные, как бы «вклиниваются» между согласными арабского корня, несущими лексическое значение, а также могут располагаться по обеим сторонам от них. Можно с некоторой долей упрощения сказать, что существует ограниченный набор словообразовательных моделей, который дает носителям арабского языка как бы «матрицу» форм, в «пустые места» которых необходимо подставить те или иные корневые согласные подходящего корня, чтобы получить нужное значение. Неизменная морфологическая модель словообразовательных аффиксов дискретна, как и корень, между согласными которого располагаются ее элементы. Такое строение арабской морфологической системы подталкивает к рассмотрению рифмы не через призму финальных слогов и отдельных звуков на конце рифмующихся слов, а через призму повторяющихся от аята к аяту дискретных сочетаний гласных и согласных звуков. Решению этой задачи в немалой степени может способствовать обращение к наследию русского формализма, ставшего предтечей и фундаментом структурного подхода в литературове-

дении. В первую очередь необходимо обратиться к определению рифмы, возникшему в рамках формальной школы и сформулированному В. М. Жирмунским: рифма – это «всякий звуковой повтор, несущий организующую функцию в метрической композиции стихотворения» [1: 246]. Заключительное слово этого определения ни в коей мере не должно вводить исследователя в заблуждение относительно возможности применить его к Корану. Использование инструментов из инвентаря поэтики для его описания представляется оправданным, поскольку характерная для ранних мекканских сур рифмованная проза (*sadj'*, садж) может рассматриваться в качестве архаической формы арабского стиха [2: 71–72]. Садж наделен рифмой и ритмом, организующими его в строки, и противопоставлен собственно прозе (*nat_r mant_ūr*). Суры более позднего периода, а именно – позднемекканские и мединские, «уже вряд ли кто-то мог бы назвать саджем... ибо они представляют собой раннюю прозу, все менее и менее ритмизированную» [3: 332].

Главное достоинство приведенного выше определения рифмы состоит в его универсальности. Оно не исключает исследователя в рамки какой-либо частной поэтической традиции и не вменяет ему обязанность считать ключевыми для изучения рифмы какие-либо одни языковые единицы (будь то фонемы, гласные или согласные, слоги или же целые слова), пренебрегая при этом другими. Это дает «возможность изучения рифмы со смысловой (семантической) точки зрения», что касается и «вопроса о тех морфологических категориях (корень, суффикс, флексия), которые участвуют в образовании созвучия» [1: 254]. Более того, характерное для других подходов имплицитное представление о том, что образующий рифму звуковой повтор обязательно должен представлять собой неразрывное сочетание звуков, также не является обязательным в рамках этого определения. Это позволяет считать элементами рифмы дискретно расположенные гласные звуки, в том числе образующие словообразовательную модель или являющиеся ее частью. Этот подход перекликается с подходом Р. Белла, еще в середине прошлого века писавшего: «...структура арабского языка способствует созданию такого рода ассонанса» [8: 68]. Под ассонансом здесь понимается рифма, построенная на повторении гласных в рифмующихся словах. Это могут быть как отдельные гласные, повторяющиеся от одного рифмующегося слова к другому (например, в суре 38), так и целые группы дискретно расположенных звуков. Такой ассонанс часто является следствием общности грамматических моделей, по которым образованы финальные слова аятов, а его сознательное использование в художественных целях не вызывает сомнений [8: 69].

Арабские филологи также обращали внимание на важность общности морфологических моделей (*wazn*) для создания рифмы в садже Корана. Садж, в котором финальные слова оканчивались

на один и тот же согласный и были построены по одной и той же морфологической модели (*sadj' mutawāzī*), считался более красивым и правильным, чем тот, в котором их морфологические модели не совпадали. Такой садж назывался «кривобоким» (*sadj' muṭarraḥ*) [11]. При этом, однако, арабские филологи не связывали эту общность с рифмой, поскольку осмысливали последнюю как сходство финальных согласных. Однако в свете приведенного выше определения рифмы, а также наблюдения Р. Белла относительно ассонансного характера рифмы в Коране звуковые повторы, возникающие за счет единства морфологических моделей, было бы правильно отнести именно к области рифмы.

Таким образом, при изучении рифмы Корана возможно следование двум подходам. В рамках первого из них (его условно можно назвать традиционным) основным образующим рифму элементом считается созвучие финальных согласных аятов и предшествующих им гласных. Второй способ рассматривать кораническую рифму подразумевает концентрацию внимания на звуковых повторах, образованных сходством морфологических моделей рифмующихся слов. Часто такого рода звуковые повторы обусловлены одной и той же схемой расположения гласных звуков в финальных словах аятов, и в этом случае можно говорить об ассонансной рифме. Такой подход к рассмотрению рифмы Корана можно условно назвать морфологически ориентированным. В чем же его преимущества перед традиционным подходом? Для ответа на этот вопрос необходимо продемонстрировать такие примеры коранической рифмы, для которых объяснение их природы с помощью морфологически ориентированного подхода выглядит более убедительным или же единственно возможным.

ПРИМЕРЫ КОРАНИЧЕСКОЙ РИФМЫ В СВЕТЕ СРАВНЕНИЯ ПОДХОДОВ

Сура 86 «Идущий ночью»

Рассмотрим начало суры 86 «Идущий ночью» (непроизносимые в паузальной позиции краткие гласные опущены; за исключением некоторых внесенных автором изменений использован перевод И. Ю. Крачковского):

- (1) wa-s-samā' i wa-t-tāriq
- (2) wa-mā 'adrāka mā t-tāriq
- (3) an-nadjmu t-tāqib
- (4) 'inna kullu nafsin lammā 'alayhā ḥāfiz
- (5) fa-l-yanzuri l-'insānu mimma ḥuliq
- (6) ḥuliqa min mā'in dāfiq
- (7) yaḥrudju min bayni ṣ-ṣulbi wa-t-tarā'ib
- (8) 'innahu 'alā radj'ihī la-qādir
- (9) yawma tublā s-sarā'ir

- (1) Клянусь небом и идущим ночью!
- (2) А что даст тебе знать, что такое идущий ночью?
- (3) Звезда пронизывающая.
- (4) Поистине, над всякой душой есть хранитель.
- (5) Пусть же посмотрит человек, из чего он создан!

- (6) Создан из воды изливающейся.
- (7) Выходит она из хребта и грудных костей.
- (8) Поистине, Он в силах вернуть его снова,
- (9) в тот день, как будут испытуеты души!

Если рассматривать приведенный выше фрагмент с позиции традиционного подхода к коранической рифме, то есть считая основой рифмы конечные согласные, то невозможно не заметить то, что «рифма, как это иногда бывает в садже, неточная» [4: 503]. В частности, это справедливо относительно аятов (2–3): *tāriq – tāqib*. При этом аят (4) (оканчивающийся на *ḥāfiz*) «в отношении рифмы примыкает» к аятам (1–3), а фрагмент суры, состоящий из аятов (5–7), «единой рифмы по сути дела не имеет, хотя и производит впечатление откровения, данного сразу, а не по частям» [4: 503]. Нельзя не согласиться с тем, что рифму на *q – b – z* в аятах (1–4) следует признать довольно вольной: в качестве общего свойства этих фонем может выступать только характер артикуляции. Однако как будет выглядеть рифма в этом фрагменте суры, если, не фокусируя внимания на характере конечных согласных, попробовать найти в нем «всякий звуковой повтор, несущий организующую функцию»? Бросается в глаза то, что первые четыре аята суры заканчиваются на слово, образованное по модели причастия действительного залога от глагола I породы (словообразовательной модели), форму которой можно представить следующим образом: *CāCiC*, где *C* – согласные фонемы, в данном случае – дискретного трехчленного корня. И именно гласные элементы этой морфологической модели образуют ассонанс *ā–i* (*tāriq – tāqib – ḥāfiz*), объединяющий рассматриваемый фрагмент. При этом роль довольно разнородных согласных, на которые оканчиваются слова, как бы отходит на второй план.

Теперь приступим к рассмотрению рифмы аятов (5–7). Финальное слово аята (5) *ḥuliq* рифмуется с последним словом следующего аята *dāfiq*, при этом окончание следующего аята, как кажется на первый взгляд, не имеет ничего общего с предыдущими. Это слово *tarā'ib*, являющееся формой так называемого ломаного или неправильного множественного числа от существительного *tarība* («грудная кость»). Мусульманская традиция знает и ряд иных толкований этого слова [4: 514–515], однако в рамках настоящей статьи гораздо больше интереса вызывает формальная сторона этой лексемы, в частности модель ее формы множественного числа, относящейся к числу довольно часто встречающихся в арабском языке. Эта модель образована по схеме *CaCāCiC*, при этом ее финальная часть (подчеркнута) повторяет упомянутую выше модель причастия действительного залога от глагола I породы, что позволяет объединить концовки (6) и (7) аятов уже знакомым ассонансом *ā–i* (*dāfiq – tarā'ib*), невзирая на отсутствие сходства конечных согласных. Рифма следующих двух аятов,

бесспорно, включает в себя общий компонент *-ir*, однако стоит пристальнее присмотреться к их грамматическим формам. Финальное слово аята (8) *qādir* относится к числу причастий действительного залога от глагола I породы и образовано по соответствующей модели, в то время как следующий аят завершается словом *sarā'ir*, формой множественного числа, образованного по модели *CaCāCiC*. Таким образом, помимо согласного окончания, эти два слова также объединены звуковым повтором *ā-i* (*qādir* – *sarā'ir*).

Итак, рассмотрим весь взятый в качестве примера фрагмент суры целиком. Если, руководствуясь традиционными воззрениями на характер коранической рифмы, видеть ее в повторении финальных согласных и предшествующих им гласных слов, то вряд ли можно считать аяты (86: 1–9) образцом точной рифмы. Список рифм выглядит следующим образом: (1) *-iq*; (2) *-iq*; (3) *-ib*; (4) *-iz*; (5) *-iq*; (6) *-iq*; (7) *-ib*; (8) *-ir*; (9) *-ir*. Тем не менее все финальные слова этого фрагмента (за исключением аята (5)) объединены ассонансом *ā-i*. Вероятно, было бы более логичным считать фундаментом рифмы в анализируемом кораническом фрагменте именно его, в то время как сходство конечных согласных фонем служит дополнительным инструментом, еще больше скрепляющим образованное повторяющимися гласными единство. Этот же звуковой повтор создает повторяющийся ритмический контур рассматриваемого фрагмента. Более того, обращает на себя внимание то, что он образован при помощи довольно скромного набора морфологических средств: в шести аятах из девяти финальное слово – причастие действительного залога от глагола I породы, образованное по модели *CāCiC*. Из оставшихся трех слов два (в (7) и (9) аятах) также перекликаются между собой, поскольку оба являются формами множественного числа имени существительного и образованы по модели *CaCāCiC*.

Сура 110 «Помощь»

Важно отметить, что с помощью морфологически ориентированного подхода можно лучше объяснить природу рифмы в Коране и, в частности, дать объяснение тем фрагментам коранического текста, рифма которых оказалась неочевидной для вооруженных традиционным подходом исследователей. Так, например, Д. Дж. Стюарт упоминает две суры Корана, 106 «Курайшиты» и 110 «Помощь», не имеющие, с его точки зрения, вообще никакой рифмы [10: 108]. Рассмотрим вторую из перечисленных сур, одну из самых коротких в Коране – она состоит из всего лишь трех аятов (окончания винительного падежа неопределенного состояния *-an* здесь и далее приведены на концах аятов в соответствии с правилами чтения в паузальной форме как *-ā* [9: 697]):

- (1) 'id ā djā'a naṣru l-lāhi wa-l-faḥ
- (2) wa-ra'ayta n-nāsa yadhū ulūna fī d-dīni 'afwādja

(3) fa-sabbih bi-ḥamdi rabbika wa-stagfirhu 'innahu kāna tawwābā

- (1) Когда пришла помощь Аллаха и победа,
- (2) и ты увидел, как люди входят в религию Аллаха толпами,
- (3) то восслав хвалой Господа своего и проси у Него прощения! Поистине, Он – обращающийся!²

Первый аят этой суры, клятвенный зачин, характерный для мекканских сур, выпадает из общей картины рифмы. Следующие же за ним два аята оканчиваются на слова *'afwādja* и *tawwābā*, которые принадлежат к разным грамматическим формам (так называемое имя деятеля в первом случае и иррегулярная форма мн. ч. имени существительного – во втором). Однако они построены по одной модели *CaCCāC-ā*, заключительный фрагмент которой (*-ā*) возникает за счет того, что оба слова использованы в форме винительного падежа неопределенного состояния. Оба корня, от которых образованы эти имена (*f-w-j* и *t-w-b*), относятся к типу корней, за которыми в арабистике закрепилось название «пустых». Второй корневой согласный у них один и тот же и относится к типу так называемых слабых согласных или полугласных (*w* и *y*), что создает дополнительное созвучие. Звуковой повтор, образующий рифму, в этом случае выглядит следующим образом: *a-wā-ā*: *'afwādja* – *tawwābā*.

Сура 106 «Курайшиты»

Сура 106 «Курайшиты» сложнее для анализа. В ней четыре аята:

- (1) li-'ilāfi qurayš
- (2) 'ilāfihim riḥlata š-sitā'i wa-ṣ-ṣayf
- (3) fa-l-ya'budū rabba l-bayt
- (4) 'alladī 'aṭ'amahum min djaw'in wa-'āmanahum min ḥawf

- (1) За союз курайшитов,
- (2) союз их в путешествии зимой и летом...
- (3) Пусть же они поклоняются Господу этого дома,
- (4) который накормил их от голода и обезопасил от страха³.

Аяты (1–3) рифмуются благодаря наличию в их заключительных словах компонента *-au-* (в арабистике за таким сочетанием закрепился термин «дифтонг»): *qurayš* – *ṣayf* – *bayt*. Этот тип рифмы И. Ю. Крачковский в комментариях к переводу Корана охарактеризовал как «созвучие», отметив, что после аята (3), заканчивающегося на слово *bayt*, рифма прерывается⁴. Однако заключительный аят суры выбивается из общего ряда не только тем, что на нем прерывается рифма, но и своим размером – он заметно длиннее остальных аятов. В нем можно выделить два фрагмента, в построении которых явно виден характерный синтаксический параллелизм: *'alladī 'aṭ'amahum min djaw'in / wa-'āmanahum min ḥawf*, причем каждый из них заканчивается на слово, содержащее компонент *-aw-*, что также создает рифму. Все это позволяет с определенной степенью осторожности предположить, что эти два фрагмента изначально могли рассматриваться в качестве

отдельных аятов. Эти аяты были объединены, во-первых, характерным для мекканских сур синтаксическим параллелизмом и, во-вторых, общей рифмой на *-aw-*. Даже если подвергнуть это утверждение сомнению, нельзя не согласиться с тем, что заключительные слова аятов суры объединены не только рифмой *-ay- / -aw-*, но и общностью модели *CaWC / CayC*. Эта общность достигается за счет того, что все конечные слова аятов образованы от уже упомянутого выше типа «пустых» корней, причем с чередованием *-ay- / -aw-* как бы соотносится другое чередование *-ī- / -ū-*, которое, как было отмечено выше, в рамках традиционного арабского подхода к рифме считалось допустимой поэтической вольностью. Таким образом, если рассмотреть суру 106 «Курайш» с точки зрения морфологически ориентированного подхода, то окажется, что она объединена рифмой, незаметной для исследователя, скованного рамками традиционного подхода.

Сура 79 «Вырывающие»

Рассмотрим также начальный фрагмент суры 79 «Вырывающие». Зачин суры – «серия клятв, имеющих свою рифму (ритмико-просодическую без наличия единого опорного согласного)» [4: 98]:

- (1) wa-n-nāzi 'āti garqā
- (2) wa-n-nāṣiṭāti naṣṭā
- (3) wa-s-sābihāti sabhā
- (4) fa-s-sābiqāti sabqā
- (5) fa-l-mudabbirāti 'amrā

- (1) Клянусь вырывающими с силой,
- (2) извлекающими стремительно,
- (3) плавающими плавно,
- (4) опережающими быстро
- (5) и распространяющими решительное дело!⁵

Что же служит источником «ритмико-просодической рифмы»? Очевидно, это последовательный повтор гласных *-a-ā*, который стал возможным благодаря тому, что все заключительные слова аятов построены по схеме *CaCC*. Кроме того, они использованы в форме винительного падежа неопределенного состояния, маркером которого является конечная флексия *-an*, в паузальной позиции произносимая как *-ā*. Все вместе это дает схему *CaCC-ā*, состоящую из двух элементов, один из которых зависит от словообразовательной модели использованных слов, а второй – от словоизменительной (падежная флексия). Именно за счет общности морфологической модели и, как следствие, повтора гласных строится рифма клятвенного зачина суры, лишенная каких-либо сходных по произнесению согласных.

В следующем смысловом фрагменте суры (аяты (6–14)) заключительные слова рифмуются с помощью повторения финальных согласных: *rādʒifa – rādifa – wādʒifa – hāsī'a – hāfira – nah'ira – hāsira – wāhida – sāhira*. Как отмечает Д. В. Фролов, они, в отличие от рифмующихся слов зачина суры,

«образованы совсем по другой модели – *fā'ila*... Однако эта вторая часть делится далее на фрагменты: (6–9), где доминанта – опорный согласный *f*, и (10–14), где доминанта – опорный гласный *r*... При этом в обоих фрагментах рифмующееся слово выпадает, не имея этого опорного согласного» [4: 98].

Бесспорно, сходство конечных согласных задает рифму рассмотренного фрагмента. Однако схема рифмующихся слов (*CaCiCa* или, согласно принятой в арабистике практике описания моделей слов, *fā'ila*), дает дополнительный звуковой повтор *ā-i-a*, объединяющий аяты (6–14), то есть обе перечисленные выше группы аятов. Исключением является только аят (11), оканчивающийся на *nah'ira*, однако известен ряд традиций чтения Корана, в которых первый гласный этого слова произносится долго. Единство схемы рифмующихся слов обуславливается единством их морфологической характеристики: все они образованы по форме активного причастия от глагола I породы (словообразовательной модели) в форме женского рода [4: 98]. Таким образом, в приведенном фрагменте, помимо рифмы на конечные согласные, можно выделить и ассонансную рифму, объединяющую весь фрагмент и вызванную единством морфологической модели рифмующихся слов.

Сура 88 «Покрывающее»

В качестве заключительного примера чрезвычайно значимой роли, которую играет единство морфологических моделей в создании рифмы Корана, обратимся к описанию райских куш, приведенному в аятах (13–16) суры 88 «Покрывающее»:

- (13) fīhā sururun marfū'a
- (14) wa 'akwābun mawḏū'a
- (15) wa namāriqu maṣfūfa
- (16) wa zarābīyu mabṭūfa

- (13) там седалища воздвигнуты,
- (14) и чаши поставлены,
- (15) и подушки разложены,
- (16) и ковры разостланы⁶.

Финальные слова каждого из этих аятов построены по одной и той же модели страдательного причастия *maCCūC*. Обращает на себя внимание, что, за исключением первых двух аятов, созвучие образовано не рифмующимися согласными на конце слов, а повторением одной и той же звуковой схемы, обусловленной единством морфологической модели. В дополнение к этому, в последней паре аятов схожим и функционально тождественным (модель множественного числа) схемам *CaCaCiC* и *CaCāCiC* также следуют и начальные слова.

Сура 78 «Весть»

Необходимо, однако, отметить, что важность единства морфологических моделей в создании коранической рифмы ни в коем случае не позволяет пренебречь рифмой на конечный согласный или долгий гласный звук, находящейся в фокусе внимания традиционного подхода. Приведенные

выше примеры подчеркивали важность морфологически обусловленного ассонанса при слабости иных способов создать необходимое созвучие финальных слов аятов. Тем не менее часто ассонансная и концевая рифмы используются параллельно, дополняя и усиливая друг друга. К тому же концевая рифма может быть обусловлена единством морфологических показателей, в том числе словоизменительных. Ярким примером этого утверждения служит сура 78 «Весть», все аяты которой, за исключением зачина (1–5), представляют собой монорим, объединенный повтором *-ā-ā*, где вторая долгая фонема *-ā* является показателем винительного падежа в неопределенном состоянии. При этом единство морфологической словообразовательной модели не является ключевым фактором создания рифмы, несмотря на то что отдельные пары слов, входящих в этот монорим, могут характеризоваться единством морфологических моделей. Например, в аятах (18–19) (*'afwādjā – 'abwābā*) ассонанс, объединяющий рифмующиеся слова, вызван, помимо единства падежных окончаний, сходством модели множественного числа имени *'aCCāC*. При этом финальные слова предшествующего (17) и последующего (20) аятов (*mīqātā* и *sarābā* соответственно), рифмуясь друг с другом на *-ā-ā*, принадлежат разным словообразовательным моделям.

Какова удельная доля аятов в этой суре, объединенных единством словообразовательных моделей? Как уже было сказано, за исключением зачина (аяты (1–5)), 35 аятов суры объединены единой рифмой на *-ā-ā*, в которой второй компонент обусловлен единством падежной формы. При этом первый компонент рифмы во многом обусловлен единством словообразовательных моделей. Из 35 оставшихся аятов суры в девяти случаях заключительные слова объединены уже упоминавшейся ранее общей формой множественного числа *'aCCāC*. Четыре финальных слова построены по модели имени места и времени действия *maCāC*, еще два слова следуют моделям так называемого имени орудия (отглагольного имени, обозначающего то, с помощью чего совершается называемое глаголом действие) *miCCāC*

и *mīCāC*. Наконец, в пяти случаях финальное слово является именем действия (масдаром) III глагольной породы (словообразовательной модели) и следует схеме *CiCāC*. Таким образом, в половине аятов суры финальные слова дополнительно объединены сходством словообразовательных моделей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, при рассмотрении особенностей рифмы Корана необходимо учитывать два компонента, ее образующих. Эти два компонента оказываются в фокусе двух различных подходов к изучению коранической рифмы. Во-первых, существует укоренившийся взгляд, согласно которому созвучие финальных согласных и предшествующих им гласных звуков и есть существо коранической рифмы. Такого взгляда придерживались средневековые арабские филологи, активно используется он и сейчас. Второй подход, условно названный в статье морфологически ориентированным, предполагает рассмотрение дискретных звуковых повторов (часто ассонансных), возникающих на концах аятов из-за сходства морфологических моделей их заключительных слов. Морфологически ориентированный подход позволяет выявить природу скрепляющего аяты звукового повтора в тех случаях, когда традиционный подход оказывается бессильным объяснить рифму Корана. Тем не менее плодотворным видится не противопоставление, а синтез этих двух подходов, который позволит максимально адекватно описать рифму Корана, используя универсальные термины. Такой синтез позволит учесть все составляющие коранической рифмы, редко сводящейся к какой-либо одной модели, будь то ассонансная рифма, вызванная единством словообразовательных морфологических моделей или же более привычная европейскому исследователю концевая рифма. При этом словоизменительные морфемы также играют большую роль в создании концевой рифмы, что обуславливает необходимость учета особенностей арабской морфологии при изучении рифмы Корана в рамках любого из подходов.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 18-012-00849.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Коран / Пер. и коммент. И. Ю. Крачковского. Изд. 2-е. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1986. С. 496.
- ² Там же. С. 510.
- ³ Там же. С. 508.
- ⁴ Там же. С. 653.
- ⁵ Там же. С. 487.
- ⁶ Там же. С. 497.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жирмунский В. М. Теория стиха. Л.: Сов. писатель. Ленингр. отд-ние, 1975. 664 с.
2. Фролов Д. В. Классический арабский стих. История и теория аруда. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. 359 с.

3. Фролов Д. В. Арабская филология: грамматика, стихосложение, корановедение: Статьи разных лет. М.: Языки славянской культуры, 2006. 440 с.
4. Фролов Д. В. Комментарий к Корану. Тридцатый джуз'. Т. 1. Суры 78–87. М.: Восточная книга, 2011. 592 с.
5. Холшевников В. Е. Основы стиховедения: русское стихосложение: Учеб. пособие для студ. филол. факультетов вузов. 5-е изд. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2004. 208 с.
6. Якобсон Р. О. Работы по поэтике: Переводы / Сост. и общ. ред. М. Л. Гаспарова. М.: Прогресс, 1987. 464 с.
7. Baqillani Abi Bakr Muhammad b. al-Tayyib. Idjaz al-Quran. Cairo: Dar al-Maarif bi Misr, 1997. 549 p.
8. Bell R. Introduction to the Quran. Edinburgh University Press, 1953. 190 p.
9. Putten van M. The Feminine Ending -at as a Diptote in the Qur'anic Consonantal Text and Its Implications for Proto-Arabic and Proto-Semitic // *Arabica*. 2017. No 64. P. 695–705.
10. Stewart D. J. Saj' in the "Qur'an": Prosody and Structure // *Journal of Arabic Literature*. 1990. Vol. 21. No 2. P. 101–139.
11. Stewart D. J. Rhymed Prose. Encyclopaedia of the Quran, General Editor: Jane Dammen McAuliffe, Georgetown University, Washington DC. Available at: http://proxy.library.spbu.ru:2141/10.1163/1875-3922_q3_EQSIM_00359 (accessed 01.10.2018).
12. Tahanawi Muhammad Ali. Kaṣṣaf Istilahat al-Funun wa al-Ulum. Beirut: Maktabat Lubnan, 1996. 2134 p.
13. Toorawa Sh. M. Hapless Hapaxes and Luckless Rhymes: the Quran as Literature // *Religion & Literature*. 2009. Vol. 41. No 2. P. 221–227.

Поступила в редакцию 29.10.2018

Vladimir A. Rozov, Postgraduate Student, Saint Petersburg University
(St. Petersburg, Russian Federation)

TRADITIONAL AND MORPHOLOGY-ORIENTED APPROACHES TOWARD THE QURANIC RHYME*

The article describes and compares two approaches toward the study of rhymes in the Quran. The first approach borrows a lot from traditional Arabic philology and is widespread in Arabic studies. This approach considers the Quranic rhyme the repetition of final consonant phonemes in final words of the verses (ayat). The second approach implies taking into account the features of the Arabic language morphology, as well as the application of modern literary and linguistic concepts. In this case, assonance caused by the unity of morphological derivational and inflectional models of rhyming words is to be considered the main component of the Quranic rhyme. The author indicates that the second approach is more capable of explaining the rhymes of the Quranic verses, especially in cases where the traditional approach is ineffective. Surahs of the early Meccan period are used as the material for the comparison which points to the importance of taking into account the features of the Arabic language morphology when studying the artistic style of the Quran and other Arabic texts written in rhymed prose (saj').

Key words: Quran, rhyme, assonance, morphology, Arabic language

* The study was financially supported by the Russian Foundation for Basic Research as part of the research project 18-012-00849.

Cite this article as: Rozov V. A. Traditional and morphology-oriented approaches toward the Quranic rhyme. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 5 (182). P. 94–100. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.358

REFERENCES

1. Zhirmunsky V. M. Theoretical poetics. Leningrad, 1975. 664 p. (In Russ.)
2. Frolov D. V. Classical Arabic verse. History and theory of 'Arud. Moscow, 1991. 359 p. (In Russ.)
3. Frolov D. V. Arabic philology: grammar, metrics, Quranic studies. Moscow, 2006. 440 p. (In Russ.)
4. Frolov D. V. Commentary of the Quran. The 30th Juz'. Vol. 1. Surahs 78–87. Moscow, 2011. 592 p. (In Russ.)
5. Holshevnikov V. E. Basics of poetry: Russian versification. St. Petersburg, Moscow, 2004. 208 p. (In Russ.)
6. Jakobson R. O. Studies of poetics: Translations. (M. L. Gasparov, Ed.). Moscow, 1987. 464 p. (In Russ.)
7. Baqillani Abi Bakr Muhammad b. al-Tayyib. Idjaz al-Quran. Cairo, 1997. 549 p.
8. Bell R. Introduction to the Quran. Edinburgh University Press, 1953. 190 p.
9. Putten, van M. The Feminine Ending -at as a Diptote in the Qur'anic Consonantal Text and Its Implications for Proto-Arabic and Proto-Semitic. *Arabica*. 2017. No 64. P. 695–705.
10. Stewart D. J. Saj' in the "Qur'an": Prosody and Structure. *Journal of Arabic Literature*. 1990. Vol. 21. No 2. P. 101–139.
11. Stewart D. J. Rhymed Prose. Encyclopaedia of the Quran, General Editor: Jane Dammen McAuliffe, Georgetown University, Washington DC. Available at: http://proxy.library.spbu.ru:2141/10.1163/1875-3922_q3_EQSIM_00359 (accessed 01.10.2018).
12. Tahanawi Muhammad Ali. Kaṣṣaf Istilahat al-Funun wa al-Ulum. Beirut, 1996. 2134 p.
13. Toorawa Sh. M. Hapless Hapaxes and Luckless Rhymes: the Quran as Literature. *Religion & Literature*. 2009. Vol. 41. No 2. P. 221–227.

Received: 29 October, 2018